

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

«ПОГРАНЕЦ»
Зеленые фуражки

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Соловьева*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 «Погранец». Зеленые фуражки / Юрий Корчевский. —
Москва : Яуза, Эксмо, 2016. — 352 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-699-86237-5

НОВАЯ книга от автора бестселлеров «Самоход», «Истребитель» и «Качай маятник! Особист из будущего».

Окончив погранучилище, наш современник едет к деду, тоже бывшему пограничнику, чтобы похвастаться первыми офицерскими погонами и зеленой фуражкой, — но поезд прибывает в советское прошлое, на западную границу СССР сразу после подписания пакта Молотова—Риббентропа.

«Попаданцу» предстоит строить новую заставу на берегу Буга, ловить местных националистов, вредителей и немецких диверсантов, а главное — готовить своих бойцов к надвигающейся войне, которую уже никто не в силах предотвратить. «Погранец» из будущего знает, что его заставе суждено принять бой на рассвете 22 июня 1941 года...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86237-5

© Корчевский Ю. Г., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Не бери с собой на войну белый флаг.

Глава 1

НЕОЖИДАННОСТЬ

 Деда Василия Федор уважал, да что там — любил. По мере возможности он навещал его, хотя добираться до дачи было неудобно: сначала электричкой, потом автобусом, и в конце — еще полчаса пешком. Зато дача была расположена вдали от городов, воздух чистейший; рядом речка с чистой водой, в которой водились раки. И с грядки все можно есть, не опасаясь отравиться химикатами.

Стар уже дед, восемьдесят шесть ему, но держится молодцом. Конечно, после смерти бабушки сдал немного, но еще сам себя обихаживает.

— Я старый вояка, меня Гитлер не сломал! — торжественно заявлял он и поднимал вверх кулак.

В свое время дед окончил школу пограничной охраны и войск ОГПУ, которая была в Москве. Служил на погранзаставе, охранял западные рубежи Родины, потом воевал. О службе, особенно в военное лихолетье, рассказывал неохотно, видимо, воспоминания были тяжелыми.

После окончания школы Федор поступил в это же учебное заведение, правда, оно неоднократно меняло свое название. То оно было Московским военно-техническим училищем НКВД имени В.Р. Менжинского, то Московское пограничное училище МГБ СССР, то Московское Высшее пограничное командное Красно-

знаменное училище КГБ СССР имени Моссовета. Теперь же оно именовалось Московским пограничным институтом ФСБ Российской Федерации. Окончил по специализации «оперативно-разыскная деятельность оперативных подразделений погранорганов». Сразу после выпускного заехал к родителям, похвастал дипломом и формой с лейтенантскими погонами. Впереди месяц отдыха — и на службу, первую после выпуска.

К деду поехал — пусть порадует за внука, все же преемственность поколений. Не служи дед в своей молодости погранцом, и еще неизвестно, какую специальность выбрал бы Федор после школы.

Дед Василий на радостях прослезился. Охлопал Федора по плечам, кругом обошел:

— Наша фуражка, с зеленым околышем!.. Как в моей молодости... Да ты проходи в дом, внучек, это событие отметить надо!

— Дед, так тебе же нельзя!

— Фронтные сто грамм наливочки собственного изготовления не повредят!

По-военному быстро дед собрал на стол. Закуска немудрящая: огурцы, помидоры, редиска, черный хлеб, селедка, и в центре всего этого — графин с наливкой.

Славно посидели! Дед о начале своей службы на заставе вспоминал — служить он в 1938 году начал. Для пограничников — сложное время. После подписания пакта Молотова — Риббентропа о ненападении СССР присоединил к себе западные области Украины и Белоруссии, ввел войска в Прибалтику. В срочном порядке пришлось обустроить новые заставы, границу. А ведь граница — это не только контрольно-следовая полоса, но и телефонные линии, агентура из местных, и много чего специфического.

И армии пришлось туго. Старые укрепрайоны вдоль границы забросили, стали снимать вооружение,

вывозить боеприпасы, продовольствие, медикаменты. В дальнейшем, в сорок первом году, такая непродуманность действий сыграла плохую роль.

Спать они улеглись поздно, поскольку проговорили до полуночи. Но говорил в основном дед, Федор слушал. Если до учебы ему было просто интересно, то теперь кое-что из услышанного он мотал на ус, особенно по части агентурной работы — на границе без помощников из местных никак нельзя. Появился незнакомец в селе — а агентура уж сообщила.

В большинстве случаев при проверке оказывалось — командированный или гость, к родне приехал. Но попадались лица нежелательные, стремившиеся перейти границу. Таких задерживали и передавали в территориальные органы НКВД.

Утром Федор проснулся в шесть тридцать утра, как привык в училище. Дед уже копошился на огороде.

— Вот, крыжовника набрал лукошко. Ты попробуй... Вкусный, спелый, в городе такого не купишь.

Крыжовник и в самом деле оказался вкусным.

— Дед, ты скажи, чем тебе помочь? Может, грядки вскопать или забор поправить? Мне теперь отпуск только через год дадут...

— Какие грядки? Не осень ведь, на всех грядках растет что-нибудь. А впрочем... Полезай на чердак, там хлама за многие годы накопилось много. Разберем с тобой, что-то в мусор отправим.

Федор натянул старый спортивный костюм и по шаткой лестнице полез на чердак. Действительно, половина чердака была забита старьем. Старая швейная машинка, ящики со старыми, еще послевоенными книгами — Горький, Казакевич, Шолохов. Здесь же Федор нашел связку старых писем, фотоальбомы — все было покрыто пылью в палец толщиной.

Все, что он нашел, Федор спустил вниз: пусть дед решает, что нужно оставить, а что — отправить в мусорный бак.

В самом дальнем углу чердака обнаружился коричневый фибровый чемодан без ручки, перетянутый ремнем. И его Федор спустил вниз. Обвел глазами чердак: вот теперь порядок!

У лестницы сидел дед, перебирая находки.

— А это что за чемодан? — Федор расстегнул ремни и откинул крышку.

— Что-то я не припомню... — растерянно протянул дед.

В чемоданчике оказалась старая форма. Выцветшая уже, без погон, с петлицами, на которых было два кубика.

Когда Федор расправил гимнастерку, дед поднялся со ступеньки:

— Так это же моя! Точно! В сорок втором на побывку приходил... Вишь, потрепана форма, так я на базаре за бутылку водки почти новую выменял, а эту оставил. Это ж сколько годков минуло?

Глаза у деда молодо заблестели.

— Я тогда салажонком был — ну, как ты сейчас. Ну-ка, ну-ка, надень, посмотрим...

А чего же не надеть? Правда, форма была пыльной слегка, и Федор гимнастерку вытряс и брюки-галифе. Подняв облако пыли, прочихался.

И фуражка приплюснута. Зеленый верх выцвел, в пятнах весь.

Федор прошел в дом, переоделся. Форма пришлась впору.

Он подошел к зеркалу, посмотрелся в него. Смешно: в форме, ремнем перетянут, в фуражке — и босиком.

Федор не поленился, натянул носки и обулся в свои сапоги. Вот теперь другое дело! Из зеркала на него смотрел его вылитый дед — такой, каким он был на старом черно-белом, уже слегка помутневшем снимке.

Федор вышел из дома и направился к деду — покрасоваться перед ним, но того не было. И вокруг дома

что-то неуловимым образом изменилось. Почудилось Федору, что деревья вроде бы ниже стали, и растут почему-то не на своих местах. Впрочем, он к ним по приезде особенно и не приглядывался.

Из-за забора его окликнул сосед:

— Василий, ты чего это вырядился? Или на службу собрался?

Федор понимал, что сосед ошибается, что он не Василий, а Федор, внук Василия. Подслеповат сосед, обознался. Ну что ж, бывает. Но уж коли маскарад получился классный, то почему бы не полицедействовать?

Федор подошел к низкому забору из штакетника:

— Здравствуй, сосед!

— Доброго утречка, Вася!

Вот блин! Может, сосед и подслеповат, но не настолько же! Деду восемьдесят шесть, а ему двадцать два — разница существенная. Но сосед как ни в чем не бывало продолжил:

— На новое место службы едешь?

— Еду, назначение получил.

— Правильно сделал товарищ Сталин, что границы на запад отодвинул, все безопаснее. Теперь украинцы и белорусы по-новому заживут при народной власти. Нечего на Польшу спину гнуть.

Федор растерялся. То, что у соседа плохо со зрением, он уже понял. Но похоже — и с головой тоже не очень... Какой Сталин, если он умер еще в пятьдесят третьем? Чудит сосед! Да ладно, можно и подыграть старику, от него не убудет.

— Вот ты человек военный, пограничник, ответь мне — зачем мы войска в Прибалтику ввели?

— Не могу знать! Я человек военный, как вы заметили, и мое дело — приказы исполнять. А политика в верхах делается.

— Так-то оно так...

Сосед наклонился ближе, обдав Федора запахом чеснока и перегара:

— Только я бы немцам не доверял... Пакт Молотова и Риббентропа дело, может, и нужное в данной политической ситуации. Воевал я с немчурой в четырнадцатом и пятнадцатом годах. Силен немец и коварен, своего не упустит. Вспомни историю, все время немцы в нашу сторону с вожделением смотрели, земли-де плодородной у русских много...

— Полезут — укорот дадим. Чай, сейчас не четырнадцатый год, армия наша сильна...

— Знамо дело, не четырнадцатый, а тридцать девятый!

Да сосед просто сумасшедший! Какой тридцать девятый? Дед-то радио слушает?

И Федор решил, что пора заканчивать беседу с придурковатым соседом:

— Извините, у меня дела.

— Понимаю, дело военное...

Федор вернулся в дом.

Обстановка в доме у деда Василия была старой, еще послевоенной. «На мой век хватит», — говаривал старик. Но телевизор относительно новый был — как и радиоприемник.

Однако сейчас ни того, ни другого не было, а в углу висел черный рупор проводного вещания. Что-то раньше его Федор не видел...

Он подошел, повернул ручку громкости. Тарелка зашипела, потом послышался «Интернационал». И слова диктора, которые повергли Федора в шок: «Передаем последние новости. Сегодня, третьего сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года шахтеры-стахановцы установили новый рекорд по добыче угля...»

Диктор продолжал передавать другие новости, но Федор их уже не слышал. Выходит, не врал сосед, не бредил старыми воспоминаниями. Произошло нечто странное, необычное: надел он, Федор, форму деда и попал в предвоенный тридцать девятый год.

Федор хлопнул себя по лбу — как же он сразу не догадался? Форму надел — попал в тридцать девятый год, а снимет — вернется в свое время!

Он расстегнул ремень, мигом сбросил гимнастерку, стянул сапоги, снял брюки... и ничего не изменилось. Рупор в углу вещает, телевизор не появился.

Как был, в трусах, Федор выскочил во двор. Соседа там уже не было.

Федор заметался по огороду, подбежал к калитке.

В конце улицы показался грузовик.

Федор дождался, пока он подъедет ближе.

Это оказалась полуторка — грузовик «ГАЗ-АА», на полторы тонны груза, далекая предшественница «Газели». И номера на ее заднем борту были четырехзначные, без букв — такие были до войны.

Федора пробил холодный пот — он же не явится к новому месту службы! Позорище! Вот это он попал! И как выбраться из этой передрыги, он даже не представляет.

Вернувшись в дом, он со зла пнул ногой сапог, отлетевший в угол. Ситуация, невозможная в принципе! Ну почему это произошло именно с ним?

Федор открыл шкафчик и обнаружил там бутылку водки. Наклейка на бутылке убогая, вместо серьезной пробки или «бескозырки» — сургуч. Тоже мне, защита от подделки! А впрочем, все заводы Союза были казенными, о подделках никто и слыхом не слыхивал. Не было денег на водку — делали самогон или бражку.

Федор налил в стакан на три «булька», ровно соточку, и выпил. Нормальная водка, не химия — из пшенички. Помотав головой, бухнулся на табурет — надо было обдумать положение, в которое он попал. Однако ничего дельного в голову не приходило. Понятно, что он каким-то образом оказался в 1939 году. Вернуться назад, в свое время, возможности пока нет. Но Федор верил, что эта метаморфоза временная.

Конечно, жизнь продолжается, и поскольку это произошло, столько, сколько будет длиться данная метаморфоза, он побудет в шкуре деда Василия. Дед же выжил, а чем он, Федор, хуже?

Решив так, Федор развил кипучую деятельность. Снова одевшись-обувшись, он стал осматривать дом и быстро обнаружил небольшой чемоданчик. Почти у всех военных такой есть, называется «тревожный».

Федор отщелкнул два маленьких замочка. Ба! В чемоданчике лежали бритва и принадлежности, командирский ремень с портупеей и кобурой.

Он взял в руки ремень — вес был ощутимым. В кобуре — почти новый пистолет «ТТ», год выпуска — тридцать восьмой. Пистолет не потерт, лежал на складе. Федор выщелкнул магазин, и на его ладони медным блеском засветились патроны.

И документы он нашел в тумбочке. Удостоверение командира, на котором было фото деда и стояла его фамилия. А еще — предписание прибыть в Дубицу и воинское требование на поезд Москва — Брест. Кроме того, денежный и вещевой аттестаты и наличные деньги. Купюры были непривычно крупными, с Лениным на лицевой стороне. Федор пересчитал деньги — их оказалось двести десять рублей. Много это или мало? Знать бы еще цены!

Он прошел на кухню и снова уселся на табурет. Думай, не думай — жизнь поставила его в такие условия, что выбора нет. Вот пойдешь ты сейчас в милицию или НКВД, чьим структурным подразделением были погранвойска, и заяви о происшедшем — что будет? И к бабке-гадалке не ходи — запрут в психбольницу. Не бывает такого, что произошло с ним. Скажи кто-нибудь ему об этом — сам бы не поверил. Но это значит, что придется принимать правила игры, жить вместо деда и служить по его документам.

Тридцать девятый год уже больше чем наполовину пройден, впереди страну ждут суровые испыта-

ния. И он сейчас единственный, кто достоверно об этом знает. Значит, решено! Для всех он — Василий Петрович Казанцев, и свое имя ему придется на время забыть. А раз так, нечего расслаживаться.

Федор снял старый ремень и опоясался дедовым — с португеей и кобурой. Оружие должно быть при командире, а не в чемоданчике. Документы в нагрудные карманы гимнастерки определил, деньги — в карман брюк. Выключил радио, взял в руки чемоданчик, запер дверь и ключ на притолоку определил. Дед всегда его сюда клал, пусть и теперь тут лежит.

У первого же прохожего спросил дорогу на вокзал, куда и направился. А дальше — электричкой до Москвы, перебрался на Белорусский вокзал.

Москва его удивила. Улицы были малолюдны, и машин мало, не то что в его время.

После приобретения билета поезда ему пришлось ждать четыре часа. За это время в зал ожидания дважды заходили патрули — милицейский и воинский. Но Федор их не интересовал, и они обходили его стороной. Федор понял, что выглядит он натурально, и успокоился. Все же была раньше неуверенность, тревога даже.

При посадке на поезд возникла толчея. Толстый дядька, втиснувшийся в купе, закинул чемодан на полку и тяжело уселся, обмахиваясь платком.

— Вы до Минска едете, товарищ командир? — поинтересовался он у Федора.

— Дальше, до Бреста.

— Понимаю, военная тайна. Вы уж меня простите за любопытство, самому следовало догадаться — верх-то у фуражки зеленый. А я в командировку... Я в наркомсвязи работаю. Давайте отобедаем! Жена, как всегда, половину чемодана едой набила. А жарко, попортится все. Не пропадать же добру!

Кто бы отказывался?

Попутчик вытащил из авоськи вареную курицу, пирожки, огурцы, варенные вкрутую яйца, и даже спичечный коробок с солью.

— Ах, беда! — вдруг засуетился толстяк.

— Что такое?

— Хлеб забыли положить...

— Но ведь пирожки есть!

— Верно! Они с луком и яйцом. Сейчас у проводника чай возьмем и приступим.

— Сидите, я сам схожу.

Дядька уже в возрасте, а Федор молод. Он и сбегал по-молодецки, принес два стакана чаю в подстаканниках. По дороге отметил про себя: «Где сейчас такие увидишь? Почти музейная редкость, напитки чаще в пластиковых стаканчиках дают».

Мимо окон тем временем уже проплывали окраины Москвы, да рановато они кончились. Федор только удивился, как расстроилась в его время столица.

Поезд был скорый и шел быстро. Но на каждой крупной станции стоял подолгу, поскольку паровоз заправлялся водой. Федору было странно и непривычно слышать его пыхтенье. А еще на станциях дежурный давал сигнал к отправлению маленьким колоколом. И пассажиры, еще бежавшие к колонкам с горячей и холодной водой, торопились назад, к вагонам.

В Минске попутчик сошел, и до Бреста Федор ехал в одиночестве. А в Бресте прямо на перроне случилась проверка документов. Что поделаешь, пограничная зона.

Документы проверяли у всех поголовно — милицейские патрули и пограничники. Среди прибывших едва ли не половину составляли военные всех родов войск. Прибывшие командиры направлялись в Брестскую крепость, на строительство укрепрайонов, которое так и не было завершено к началу войны.

Когда пограничный наряд проверил документы Федора, старший наряда спросил:

— Куда направляетесь, товарищ лейтенант?

— В Дубицу.

— А, в погранкомендатуру... Штаб погранотряда в Бресте. Вы бы лучше сначала в штаб...

— Как его найти?

— От привокзальной площади направо, там увидите.

— Спасибо. — Федор подхватил маленький чемоданчик.

Брест был знаменит своей крепостью, проявившей стойкость и упорство в обороне. Однако сам город был маленьким и захолустным, и жизнь его до прихода наших войск протекала тихо и незаметно.

Федор, предъявив при входе документы часовому, прошел в штаб, к кадровику. Тот внимательно изучил все документы и вписал Федора в списки личного состава.

— Пройдемте к начальнику отряда, надо представиться.

Федор оправил форму, согнав складки гимнастерки сзади, под ремень.

Начальник отряда оказался майором, довольно молодым — лет тридцати — тридцати двух. Когда Федор доложил о своем прибытии для продолжения службы, он обрадовался:

— Садись, Казанцев. Рад пополнению. Не хватает кадров, особенно грамотных. На некоторых заставах обязанности начальников исполняют старшины из числа старослужащих. Честно скажу, ситуация сложная. Граница не обустроена, даже не везде есть контрольно-следовая полоса. Лошадей не хватает, пулеметы только ручные, со связью проблемы... Но это период становления. Другое хуже — население к нам настороженно относится. Сколько лет под поляками жили! Контрабандисты объявились, полагаю — и агенты иностранные есть. Потому ухо остро держи! С населением контакты налаживай, своей агентурой обзаводись.